

СЦЕНАРИЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА

«Я ВЫБРАЛ СВОБОДУ, Я ВЫБРАЛ ЗАЛИВ»

Я — маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Сбирается вещий Олег...»
Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке душу,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.
Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной
Так написал о своих ранних воспоминаниях поэт Давид Самуилович Самойлов,
родившийся 1 июня 1920 года в семье известного врача.

Ведущий: Кажется, что детство – это самое счастливое время в жизни человека. Что оно ничем не омрачается, что дети – самый беззаботный народ. Стихотворение «Из детства» Давида Самойлова, написанное в 1956 году и вошедшее в сборник «Второй перевал», опровергает такие мысли.

Маленький герой стихотворения не желает обычных для своих сверстников сказок и потешек. Его интересуют другие, более глубокие и серьезные темы. Ребенок просит читать ему о Вещем Олеге и очень остро отзываясь на эту трагическую историю:

Для поэта характерна была тяга к отвлеченному мышлению. Одной из любимых тем для философско-поэтических медитаций выступает у него тема времени. Вот об этом хочу сказать несколько слов.

Давид Самойлов окончил уникальный институт – МИФЛИ (1936-1940), который как будто специально был создан для него и его талантливых однокурсников; перед войной он закрылся, так что просуществовал всего четыре года. Расшифровывается аббревиатура так: Московский институт философии, литературы, истории. Институт по звездному составу преподавателей и одаренности студентов сравнивали с Пушкинским Лицеом.

Поразительным образом студент Давид Кауфман полностью соответствовал направленности учебного заведения. В нем жила страсть к триединству академических дисциплин – литературе, истории и философии. И если приглядеться к его поэзии, она насыщена именно этими субстанциями.

Вся его лирика эпична, недаром лирические шедевры у него возникали на стыке лирики и истории («Пестель, поэт и Анна»).

Там Анна пела с самого утра
И кто-то шила или вышивала.
И песня, долетая со двора,

Ему невольно сердце волновала.
А Пестель думал: «Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нем, что-то есть.
И молод. И не станет фарисеем».
Он думал: «И конечно, расцветет
Его талант, при должном направленьи,
Когда себе Россия обретет
Свободу и достойное правленьи».
Позвольте мне чубук, я закурю.
Пожалуйте огня.
Благодарю.
А Пушкин думал: «Он весьма умен
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для брутов слишком круты.
И не из брутов ли Наполеон?»
Шел разговор о равенстве сословий.
Как всех равнять? Народы так бедны,
Заметил Пушкин, что и в наши дни
Для равенства достойных нет условий
И посему дворянства назначенье —
Хранить народа честь и просвещение.
О да, ответил Пестель, — если трон
Находится в стране в руках деспота,
Тогда дворянства первая забота
Сменить основы власти и закон.
— Увы, ответил Пушкин, тех основ
Не пожалеет разве Пугачев...
— Мужицкий бунт бессмыслен... — За окном
Не умолкая распевала Анна.
И пахнул двор соседа-молдавана
Бараньей шкурой, хлевом и вном.
День наполнялся нежной синевой,
Как ведра из бездонного колодца.
И голос был высок: вот-вот сорвется.
А Пушкин думал:
«Анна! Боже мой!»

Ведущий: Его товарищами и соучениками в ту пору были Л. Маркович (Лунгина), поэты С. Наровчатов, П. Коган, Б. Слуцкий, М. Кульчицкий. Поэт никогда не забывал их:

Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.
А гуманизм не просто термин,

К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.
Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.
Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом,
И леса нет — одни деревья.

И вроде день у нас погожий,
И вроде ветер тянет к лету...
Аукаемся мы с Сережей,
Но леса нет и эха нету.
А я все слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...
Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.

Ведущий: В начале Великой Отечественной войны Давида Самойлова направили на трудовой фронт — рыть окопы под Вязьмой. Там Давид Самойлов тяжело заболел, был эвакуирован в Самарканд, где учился в Вечернем педагогическом институте. Вскоре поступил в военно-пехотное училище, которое он не окончил. В 1942 году его направили на Волховский фронт под Тихвин. 23 марта 1943 года в районе станции Мга был тяжело ранен в левую руку осколком мины.

После выздоровления служил в тыловой части, откуда вырвался на фронт с помощью И. Эренбурга. С марта 1944 года продолжил службу в 3-й отдельной моторазведроты разведывательного отдела штаба 1-го Белорусского фронта.

Приказом ВС 1-го Белорусского фронта №: 661/н от: 14.06.1945 года автоматчик 3-й отдельной моторазведроты развед. отдела штаба 1-го Белорусского фронта ефрейтор Кауфман награждён орденом Красной Звезды за захват немецкого бронетранспортёра и трёх пленных, в том числе одного унтер-офицера, давшего ценные сведения, и за активное участие в боях за город Берлин.

Был награжден еще несколькими медалями и почетным знаком «Отличный разведчик».

Военный опыт отразился во многих стихах поэта, в том числе в знаменитом стихотворении «Сороковые, роковые»:

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.
Гудят накатанные рельсы.

Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...
А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.
Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.
И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..
Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Ведущий: Почти не публикуя свои стихи в 1950-е годы, он много занимался поэтическим переводом с албанского, венгерского, литовского, польского, чешского языков; сочинял детские пьески про Слоноенка для радио, которые и сейчас постоянно переиздаются, ставятся в театрах.

Жил-был Слоноенок у мамы Слонихи.
Был он хороший, тихий.
И очень хотел учиться.
Сидеть без дела
Ему надоело,
Стал он в школу проситься.
Слоноенок
Мама, я хочу учиться.
Слониха
Почему тебе вечно не спится?
Закрой глазки,
Расскажу тебе сказку...
Слоноенок
Не надо мне сказки!
Я хочу учиться.

Слониха
Нет с тобой сладу.
Хочешь кусок шоколаду?
Слоненок
Не надо!
Я хочу учиться.

Ведущий : Это забавное стихотворение многие из нас помнят с детства. Несмотря на малое количество публикаций, поэзия Самойлова в течение 1950-х годов становилась все популярней в среде московской интеллигенции. С интересом относились к его творчеству такие поэты старшего поколения, как А. Ахматова, Н. Заболоцкий, К. Чуковский, С. Маршак. Много места в творчестве поэта заняла тема поверженной гитлеровской Германии, увиденной взором солдата-победителя. Эти стихи убеждают нас в том, что автор обладает даром напряженного внимания, улавливающего жизнь во всей ее сложности и разнообразии.

Отдых! Отдых! Потсдамские парки
Высоки, как парадные залы.
В пышном замке заздравные чарки
Поднимают за мир генералы.
В городке открываются ставни.
С крыш снимаются белые флаги.
Вспоминая о битве недавней,
Мы вино наливаем из фляги.
Летний ливень бушует снаружи —
Он топчет, лопочет, лепечет
И охапками в синие лужи
Разноцветные радуги мечет.
Я-то думал, что радуги — дома,
В Подмоскovie, что здесь оно тише.
Вот и здесь от беспечного грома
Расклепались железные крыши.
Окна в гущу весеннего гуда!

Ведущий: Тема добра и зла неизменно волнует не только каждого поэта, но и каждого человека. Ей посвящено стихотворение «Бертольд Шварц»

Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах
Презрел людей за дьявольские нравы.
Я изобрел пылинку, порох, прах,
Ничтожный порошок для забавы.
Смеялась надо мной исподтишка
Вся наша уважаемая братья:
«Что может выдумать он, кроме порошка?
Он порох выдумал! Нашел занятие!»
Да, порох, прах, пылинку! Для шутих,
Для фейерверков и для рассыпных
Хвостов павлиньих. Вспыхивает, — пых! —

И роем, как с небесной наковальни,
Слетают искры! О, как я люблю
Искр воркованье, света ликование!..
Но то, что создал я для любованья,
На пагубу похитил сатана.
Да, искры полетели с наковален,
Взревели, как быки, кузнечные меха.
И оказалось, что от смеха до греха
Не шаг полшага, два вершка, вершок.
А я, — клянусь спасеньем, боже правый! —
Я изобрел всего лишь для забавы
Сей порох, прах, ничтожный порошок!
Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах,
Вас спрашиваю: как мне жить на свете?
Ведь я хотел, чтоб радовались дети.
Но создад не на радость, а на страх!
И порошок мой в тугих стволах
Обрел вдруг сатанинское дыханье...
Я сотворил паденье крепостей,
И смерть солдат, и храмов полыханье.
Моя рука гляди! обожжена,
О господи, тебе, тебе во славу...
Зачем дозволил ты, чтоб сатана
Похитил порох, детскую забаву!
Неужто все, чего в тиши ночей
Пытливо достигает наше знанье,
Есть разрушенье, а не созиданье,
И все нас превращает в палачей?

Ведущий: Человеку думающему свойственно размышлять о пределах своих возможностей. Человеку творческому свойственно дерзать. И любому человеку свойственно мечтать. Но к чему приводят нас высокие мечтания?

Стоишь, плечами небо тронув,
Превыше помыслов людских,
Превыше зол, превыше тронов,
Превыше башен городских.
Раскрыты крылья слюдяные,
Стрекозым трепетом шурша.
И ветры дуют ледяные,
И люди смотрят, чуть дыша.
Ты ощутишь в своем полете
Неодолимый вес земли,
Бессмысленную тяжесть плоти,
Себя, простертого в пыли,
И гогот злобного базара,

И горожанок робких страх...
И божья и людская кара.
О, человек! О, пыль! О, прах!
Но будет славить век железный
Твои высокие мечты,
Тебя, взлетевшего над бездной
С бессильным чувством высоты.

Ведущий: Десятки стихов Самойлова стали песнями, исполняемыми многими известными певцами и бардами. Он автор стихотворения «Песенка гусара» («Когда мы были на войне...»), положенного на музыку Виктором Столяровым в начале 1980-х годов. Стихотворение «Ты моей никогда не будешь» (авторское название — «Баллада») в конце 1980-х годов получило широкую известность, благодаря песне Дмитрия Маликова, исполненной по его мотивам.

Среди песен на стихи Самойлова – «Память» М. Таривердиева, романс «За городом», исполняемый С. и Т. Никитиными.

Звучат песни.

Ведущий: С 1974 года поэт жил в Пярну, по адресу: улица Тооминга, дом № 4, где сейчас установлена мемориальная доска.

Удивительный мир этого особого города, его культурная среда, так отличающаяся от московской, принесли умиротворение душе поэта. Пярнусские стихи Давида Самойлова по-настоящему лиричны.

Я сделал свой выбор.
Я выбрал залив,
Тревоги и беды от нас отдалив,
А воды и небо приблизив,
Я сделал свой выбор и вызов.
Туманного марта намечен конец.
И голос попробовал первый скворец.
И дальше я вижу и слышу,
Как мальчик, залезший на крышу.
И куплено всё дорогою ценой.
Но, кажется, что-то утрачено мной.
Утратами и обретеньем
Кончается зимняя темень.
А ты, мой дружок, мой весенний рожок,
Ты мной не напрасно ли душу ожёг?
И может быть, зря я неволю
Тебя утолить мою долю?
А ты, мой сверчок, говорящий жучок,
Пора бы и мне от тебя наутёк.
Но я тебе душу вручаю.
И лучшего в мире не чаю.
Я сделал свой выбор.
И стал я тяжёл.
И здесь я залёг, словно каменный мол.

И слушаю голос залива
В предчувствии дивного дива.

Ведущий: Давид Самойлов умер 23 февраля 1990 года в Таллине. Похоронен в Пярну (Эстония) на Лесном кладбище.

Деревья прянули от моря,
Как я хочу бежать от горя -
Хочу бежать, но не могу,
Ведь корни держат на бегу.